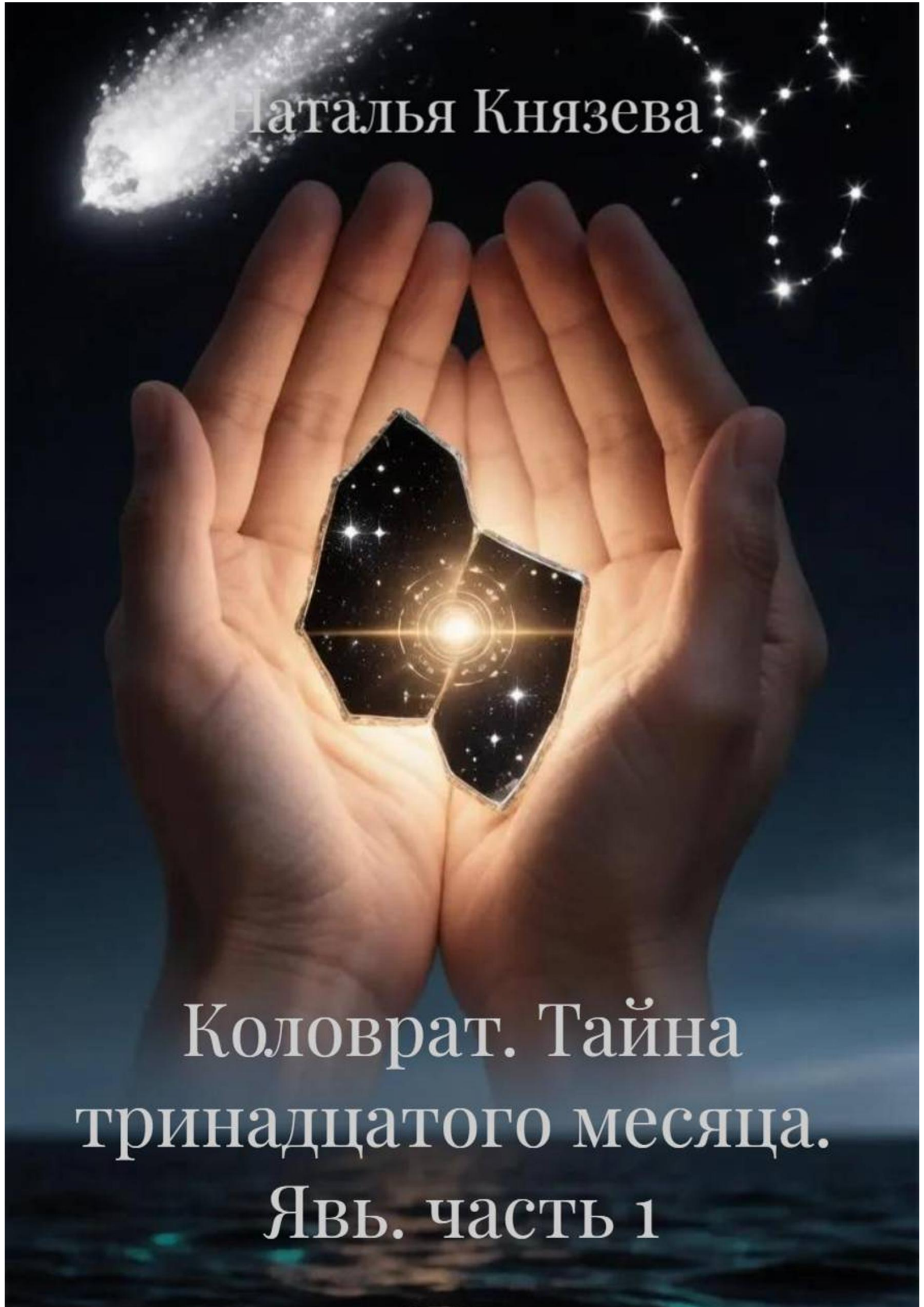

Наталья Князева

Коловрат. Тайна
тринадцатого месяца.
Явь. часть 1

Наталья Князева

**Коловрат. Тайна тринадцатого
месяца. Явь. часть 1**

«Автор»

2026

Князева Н.

Коловрат. Тайна тринадцатого месяца. Явь. часть 1 /
Н. Князева — «Автор», 2026

Вы когда-нибудь чувствовали, что вы — не отсюда? Что звёзды — не просто точки на небе, а окна в дом, которого вы не помните, но который не перестаёте искать? Эта книга — не о том, как найти ответ. Она — о том, как вспомнить вопрос. Здесь нет случайностей. Есть только нити, тянущиеся через тысячи лет. Числа, которые древние вплели в сказки, чтобы они дожили до того дня, когда кто-то научится их читать. Осколки зеркала, разбитого, когда мир раскололся на явь, навь и правь. Героиня отправляется в путешествие по следам своего Рода — через сны, звёзды и запах полыни там, где её не должно быть. Вы будете собирать пазл вместе с ней. Вы будете сомневаться, верить, бояться и узнавать. И когда последняя страница перевернётся, вы поймёте: эта книга — не о ней. Она о вас. Потому что каждый из нас когда-то смотрел на звёзды и чувствовал: «Я знаю этот свет. Я был там». Но вы забудете этот текст, когда закроете книгу. И запомните — только когда дочитаете до конца.

© Князева Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

КОЛОВРАТ. ТАЙНА ТРИНАДЦАТОГО МЕСЯЦА.	5
ПРОЛОГ. ПОСЛЕДНИЙ ХРАНИТЕЛЬ	6
ГЛАВА 1. ОСКОЛОК	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Наталья Князева
Коловрат. Тайна тринадцатого
месяца. Явь. часть 1

КОЛОВРАТ. ТАЙНА ТРИНАДЦАТОГО МЕСЯЦА.

ПРОЛОГ. ПОСЛЕДНИЙ ХРАНИТЕЛЬ

Остров Руян, Балтийское море. Осень 15 000 лет до нашей эры.

Скалы пахли сыростью — известняк, пропитанный солью и холодом, оставлял на ладонях липкий налёт.

Жрец стоял на меловом обрыве. Ветер рвал полы плаща из грубой шерсти — она колола шею, как сухая трава, и каждый порыв приносил брызги, оседавшие на губах горькой солью. Внизу, на неведомой глубине, глухо, с хриплым ритмом, ворочалось море. Оно поднималось. Уже двадцать лет оно неумолимо ползло вверх — заливало низины, подтачивало берега. Он знал: через поколение остров станет на треть меньше. Ещё через поколение — исчезнет вовсе.

Но это не было главным.

На востоке, над ледниками, горела комета. Она шла из той точки, которую жрецы называли Алатырем — камнем-отцом, осью мира. Её свет был холодным, ровным, без мерцания, но каждые три удара сердца она пульсировала — слабо, почти незаметно, как будто дышала в такт с ним. За три ночи она не изменила положения — будто остановилась, глядя на него в ответ.

Он знал: через десять тысяч лет она вернётся. Её скорость будет нечеловеческой — почти шесть десятков вёрст за каждое мгновение. Она пройдёт сквозь солнечную систему, не задержавшись ни на миг, и уйдёт в бездну, откуда пришла. Но сейчас, глядя на неё, он чувствовал не просто свет — он чувствовал время. Густое, плотное, как смола. Оно текло сквозь комету, сжималось в ней, как в воронке.

Родомир знал: она несёт знание.

Он повернулся и пошёл к обрыву. Тропа — узкая, выбитая в меловой породе — спускалась к подножию утёса, где корни старого дуба, сухого и корявого, закрывали вход в пещеру. Остров этот называли Буяном. Говорили, что под его корнями спит камень Алатырь — центр мира. Говорили, что тот, кто найдёт его, получит всё. Но Родомир знал другое: камень был не под корнями. Камень был внутри. В каждом, кто помнил.

Он отдёргнул корни, как отдёргивают занавеску, — они скрипнули, и в лицо пахнуло холодом и запахом мокрой глины, смешанным с чем-то сладковатым, почти мёдовым. Шагнул в темноту.

Внутри было холодно. Воздух — плотный, зыбкий, с запахом мокрого камня и старого дыма. Он зажёл светильник: масло, фитиль, неровный жёлтый свет пополз по стенам. Стены хранили следы — изображения, выбитые в камне. Люди в звериных масках. Крылатые существа. Спирали, уходящие в бесконечность. И повсюду — Лебедь. Птица, летящая вдоль Млечного Пути. Дорога.

В нише, вырубленной в камне, лежали свитки. Тонкие листы металла, которые не горели и не гнили. Родомир взял один, развернул. По краю — ряд символов. Язык умер раньше, чем люди, говорившие на нём. Но смысл он помнил.

Тридцать и двадцать семь. Ключи. Сумма, ведущая домой.

Он знал: тридцать — это двадцать семь. Тридцать — это тридцать. Вместе они открывали путь в девять миров, где каждый мир был состоянием времени. Славяне называли их Явь, Навь и Правь — но это были только три. Остальные шесть ждали тех, кто сможет их увидеть.

Он положил свиток обратно. Затем достал из складок плаща осколок — тёмный, почти чёрный, с мерцающими внутри звёздами. Поверхность была гладкой, но не холодной: она хранила тепло его пальцев. Он сжал его — и почувствовал, как тепло поднимается к запястью, как будто осколок узнавал его руку.

— Ты знаешь, что делать, — сказал он. Не свиткам. Не стенам. Осколку.

Он вложил его между металлических листов, закрыл нишу плитой, завалил землёй и камнями. Пальцы испачкались в мокрой глине — она была липкой, холодила кожу, оставляя ощущение, будто он запечатывает не просто тайник, а время. Замёл следы сухой веткой. На выходе обернулся: масло догорало, фитиль коптил. Через минуту свет погаснет, и пещера станет чёрной, как зрачок.

Он поднялся на обрыв. Комета всё ещё висела над ледниками — теперь её пульс совпадал с его дыханием. Родомир остановился на краю. Внизу — чёрная, маслянистая вода плескалась о скалы. Через двести лет она поднимется и затопит пещеру. Свитки останутся под водой. Металл не гниёт.

Он не увидит этого. Но знал: осколок будет ждать.

Повернулся и пошёл вниз, туда, где в ледяном утреннем свете дымились костры последнего стойбища. Прошёл мимо очага, где женщина месила тесто из корней — пахло кислым и горьким, мимо детей, игравших позвонками тюленя, — они даже не подняли голов.

Комета горела в небе. И в её пульсе было обещание.

Наши дни. Внешние рубежи Солнечной системы.

Звёздный ковчег ступил за край солнечного притяжения, где гравитация уже не держала его, как мать, отпускающая дитя в первый путь. Он двигался беззвучно, без инерции — тёмный, как базальт, и плотный, как ядро планеты. Ни один радар не мог его засечь. В рубке тонко, почти незаметно, пахло сосной — хотя деревьев здесь не было и быть не могло.

В кресле управления сидел человек. Или тот, кто казался человеком. Высокий лоб, широко поставленные глаза. На груди — восьмилучевой круг, вписанный в сферу. Коловрат — символ солнца, возрождения и точности. Восемь лучей — восемь направлений, по которым движется светило в течение года. Восемь миров, которые он должен был пройти. Он провёл ладонью по панели — металл был тёплым, как живая кожа.

— Сигнал молчит пятнадцать тысяч лет, — сказал он. Голос его был низким, и в нём слышалась усталость, которой не должно было быть у бессмертного.

— Приказ, командир?

— Спускаем дрон. Нам нужно знать, жива ли память. Или мы остались последними, кто помнит.

Дрон оторвался от чрева ковчега, как семя, уносимое ветром, — нырнул сквозь облако Оорта, сквозь атмосферу — невидимый, беззвучный. Пролетел над горами, над морем, и там, где он прошёл, вода осталась волнистой — рябь не исчезала, как будто воздух помнил его прикосновение. Остановился над маленьким домом с террасой — так тихо, что даже паутина на карнизе не дрогнула.

Женщина на балконе сжимала кружку кофе и смотрела на горизонт. Дрон скользнул внутрь — как свет сквозь стекло. Остановился над книжным шкафом, где между страницами старой энциклопедии лежал осколок.

Осколок дрогнул — по его поверхности пробежала рябь, как по воде от упавшего камня, — и засветился ровным, золотистым, как мёд на солнце, светом. На мгновение в комнате стало тепло — так, будто кто-то открыл печь.

Дрон исчез, оставив запах полыни. Она была горькой, сухой — и в ней чувствовался привкус моря, хотя море было далеко.

Там, на острове Руян, в глубине пещеры, металлические свитки на мгновение вспыхнули в ответ — по ним пробежала тёплая волна, как будто металл помнил. И снова погасли.

Знание лежало в тишине и ждало. Оно умело ждать.

ГЛАВА 1. ОСКОЛОК

Сочи. 28 сентября.

Она вынырнула из сна за секунду до будильника — так бывало всегда, внутренний хронометр срабатывал раньше механического. Наталья открыла глаза, не глядя на телефон, и села в кровати. Серый утренний свет лежал на всём ровным слоем, стирая тени и делая углы комнаты мягкими, как старый войлок.

Она провела ладонью по лицу — кожа была холодной, как стекло, которое держат в холодильнике. Пальцы скользнули по вороту халата — махрового, потёртого у локтей, всё ещё пахнущего вчерашним кофе. Она нащупала ногой тапок — мягкий, чуть влажный от росы, просочившейся через открытую дверь балкона.

И вдруг — запах.

Он ударил в ноздри, как удар под дых. Горький, сухой, невозможный. Как будто кто-то рассыпал полынь на подоконнике, хотя окна были закрыты и море за окном пахло солью, а не травами. Она замерла, принялась — запах был реальным. Она его не выдумала.

— Полынь, — сказала она в пустоту. — Здесь не растёт полынь.

Тишина не ответила.

Датчик на тумбочке мигнул — не в такт, как обычно, а тревожно, часто. Она глянула на график: три всплеска, каждый по три секунды, и между ними ровно по пять минут тишины. Будто кто-то дышал через прибор. Она записала время: 6:03. Три и три — три удара, три секунды. Число три, которое пронизывало всё: три женщины в роду, три осколка, три желания, три задания. Она ещё не знала этого, но тело уже помнило.

— Что ты такое? — спросила она датчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.